



Գ Լ Ո Բ Ո Ի Մ

Վ Ե Ր Լ Ո Ի Ծ Ա Կ Ա Ն Տ Ե Ղ Ե Կ Ա Գ Ի Ր

ՔԱՂԱՔԱԿՐԹՈՒԹՅՈՒՆ, ՀԵՂԱՓՈԽՈՒԹՅՈՒՆ
ԵՎ ԻՆՍՏԻՏՈՒՑԻՈՆԱԿ ԽՆԴԻՐՆԵՐ

Հատուկ թողարկում

15

Հոկտեմբեր, 2007

«ՆՈՐԱՎԱՆՔ» ՀԻՄՆԱԴՐԱՄ

ԲՈՎԱՆԴԱԿՈՒԹՅՈՒՆ

Տիգրան Մարգարյան

Հայկական քաղաքակրթությունը

որպես հավակնոտ նախագիծ 3

Тигран Саркисян

Как осуществить революцию?! 8

Армен Мартиросян

Институциональные аспекты

реформ второго поколения 13

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՔԱՂԱՔԱԿՐԹՈՒԹՅՈՒՆԸ ՈՐՊԵՍ ՀԱՎԱԿՆՈՏ ՆԱԽԱԳԻԾ

Տիգրան Մարգարյան
ՀՀ Կենտրոնական բանկի նախագահ

Սեփական՝ ուրույն քաղաքակրթության հաստատման համար հայությունը պետք է համապատասխանի քաղաքակրթական մի շարք չափորոշիչների, որոնց մասին խոսվում է հոդվածում: Ուրույն քաղաքակրթության պահպանումն ու զարգացումն ուղղակիորեն կապված են հզոր հաղորդակների գոյության հետ, որոնց միջոցով հաղորդվում է մտածողության և վարքագծի որոշակի կոդ: Վերոնշյալի համատեքստում հիմնական հաղորդակներն են պետությունը, գիտությունը, արվեստը, ազգային ընտրանին և եկեղեցին: Մակայն եթե այդ սեփական հաղորդակները բացակայում են կամ թույլ են զարգացած, ապա այլ՝ ավելի ուժեղ քաղաքակրթությունների ազդեցությունն անխուսափելի է: Քաղաքակրթական ուրույնությունը պահպանելու համար անհրաժեշտ է մշակել զարգացման ինքնուրույն ճանապարհ փնտրելու, ցեղասպանության հանգեցրած հիմնապատճառները վերիմաստավորելու, այլ քաղաքակրթությունների հետ գոյակցելու սեփական ուսմունք, որն աշխարհին ներկայացնելը կդառնա հայ ժողովրդի հիմնական առաքելությունը 21-րդ դարում:

21-րդ դարը նոր մարտահրավերներ է ներկայացնում մեզ՝ հայերիս: Դրանց արձագանքելու համար անհրաժեշտ է ունենալ մի քանի հիմնաքարային հարցերի պատասխաններ, որոնք ուղենիշ կլինեն մեր մարտավարության մշակման համար: Հատկապես կարևոր են աշխարհայացքային քաղաքակրթության հետ կապված հարցադրումները: Արդյո՞ք Հայաստանն ու հայ ժողովուրդը հանդիսանում են ուրույն (յուկալ) քաղաքակրթության կրող: Հատկապես ո՞ր երկրի կամ մշակույթների հետ է առավել փոխառնչվել հայությունը (դրական և բացասական առումներով): Արևմտյան ո՞ր արժեքներն են համահունչ մեր ազգային նկարագրին, որո՞նք են հակասում՝ վտանգելով մեր ազգային անվտանգությունը: Կարո՞ղ է, արդյոք, Հայաստանը, պահպանելով իր ինքնությունը, չինտեգրվել առավել խոշոր քաղաքակրթական համակարգերին և սուկ քաղաքակրթությունների երկխոսություն վարել: Մա է քաղաքակրթությանն առնչվող հարցերի ոչ լրիվ շարքը, որոնց փորձ է արվում պատասխանել այս հոդվածում:

Հարցի բարդությունն այն է, թե ինչ սահմանում ենք տալիս քաղաքակրթություն հասկացությանը և ինչ նպատակով օգտագործում այն: Մորզանն ու Էնգելսը քաղաքակրթությունը սահմանել են որպես բարբարոսությանը հաջորդած հասարակական զարգացման փուլ: Մարքսիզմ-լենինիզմն այս հասկացությունն օգտագործել է պատմությունը դիալեկտիկական մատերիալիզմի տեսանկյունից պարբերաշրջանների կամ փուլերի բաժանելու համար, այսինքն՝ այդ եզրը կիրառել է գոյաբանության շրջանակներում: Տվյալ համատեքստում քաղաքակրթությունը սահմանվում էր որպես հասարակական և քաղաքական կացություն, ինչպես նաև հոգևոր զարգացման հայտանիշների համախմբություն, որը մարդկային հասարակության զարգացման բարձր մակարդակով տարբերվում էր նախնադարյան վիճակից: Եթե քաղաքակրթությունը դիտարկենք որպես աշխատանքի բաժանման և արտադրության սպառման ու բաշխման ռացիոնալացման հետ կապված նյութական և հոգևոր մշակույթի հասարակական զարգացման աստիճան, ապա կարելի է պնդել, որ Հայաստանը և հայությունը համաաշխարհային քաղաքակրթության մաս են:

Քաղաքակրթություն հասկացության մեկ այլ համատեքստ երևան է եկել 18-րդ դարում՝ մշակույթ հասկացության հետ սերտորեն կապակցված: Ֆրանսիացի իմաստասեր-լուսավորիչները քաղաքակիրթ են համարել բանականության և արդարամտության սկզբունքների վրա հիմնված հասարակությունը: Գոյություն ունի տեխնածին քաղաքակրթության հասկացություն, որի ներքո հասկացվում է հանրությունը, որին բնորոշ են բնությունն ի շահ իրեն փոխակերպելու ձգտումը և անհատական գործունեության ազատությունը, ինչն էլ որոշում է

անհատի հարաբերական անկախությունը սոցիալական խմբերից: Կարելի է ասել, որ Հայաստանը քաղաքակրթություն վերադարձավ անկախություն ձեռք բերելուց հետո, երբ ներդրվեցին մասնավոր սեփականությունը և այլ հիմնական ժողովրդավարական ինստիտուտները: Արևմտյան քաղաքակրթությունը բնորոշվում է որպես քաղաքակրթության տեխնածին կողմի հաջող զարգացման նախադրյալներ ունեցող Արևմտյան Եվրոպայի, ԱՄՆ և Կանադայի զարգացման գործընթաց:

Ավանդական քաղաքակրթություն ասելով սովորաբար հասկացվում է հասարակություն, որին բնորոշ է բնական գոյապայմաններից կախվածության բարձր աստիճան, ինչպես նաև անհատի ամուր կապ իր սոցիալական խմբի հետ: Իսլամի հիման վրա կառուցված հասարակությունները սովորաբար վերագրում են նման քաղաքակրթություններին: Հայտնի է մեկ այլ սահմանում ևս, ըստ որի՝ քաղաքակրթություն է սեփական ճակատագրի միասնականությունն ընդունող մարդկանց գերակա մեծամասնությունը: Քաղաքակրթության գաղափարը միասնական ճակատագրի գաղափարն է: Ակնհայտ է, որ սովյալ բնորոշման համատեքստում հայությունը համարվում է քաղաքակրթություն:

Ավանդական պատկերացումների համաձայն՝ հակամարտություններում և պատերազմներում պարտություն կրած պետությունները (ազգերը) համարվել են պատմությունից, քաղաքակրթական գործընթացներից դուրս: Նրանց վերադարձը քաղաքակրթություն կապվել է քաղաքական անկախության վերականգնման հետ:

Հետևաբար, երբ քննարկվում է, թե Հայաստանը/հայությունը համարվում է առանձնահատուկ տեղային քաղաքակրթություն, կարևոր է այն համատեքստը, որի շրջանակներում մենք դիտարկում ենք հարցը: Եթե պատմությունը դիտարկում ենք որպես քաղաքակրթությունների մրցակցություն և երկխոսություն, ապա պատմական համատեքստից դուրս են մնում այն ազգերը, որոնք կորցնում են պատմամշակութային ինքնորոշման ունակությունը: Այդ ունակության կորստյամբ մենք դուրս ենք մնում պատմության ընթացքից, վերածվում ուրիշ քաղաքակրթությունների թափոնների, գուցե՝ ինչ-որ առումով օգտագործելի, բայց մեծ մասամբ՝ անախտան:

Արդի աշխարհատարածքային տիրույթում քաղաքակրթություն ասելով հասկանում ենք հասարակության լիարժեքության և համակարգայնության աստիճանի հասած պատմամշակութային ինքնորոշումը, այլ կերպ ասած՝ հասարակության մշակութաբանական էությունը (միջուկը): Լիարժեքության և համակարգայնության վիճակի հավակնելու համար հայությունը պետք է համապատասխանի քաղաքակրթություններին հարիր հետևյալ չափանիշներին.

- ուրիշ քաղաքակրթությունների հետ հարաբերվելու արդյունքում արժանանալ ճանաչման նրանց կողմից որպես ինքնուրույն սուբյեկտ, որը վեր է ազգի, տարածքի և պետության շրջանակներից,
- ազգի յուրատեսակ, անգուգական, դեպի ապագա ուղղորդված ներուժի գոյություն,
- պատմական ժառանգությունը պահպանելու կարողություն, սեփական պատմության առկայություն և միասնական ճակատագիրը կիսելու զգացողություն,
- արժեքային չափանիշներ կրողների հաստատական զանգվածի առկայություն,
- վարքի չափօրինակներ և արժեքային չափանիշներ վերարտադրելու ունակ ընտրանու առկայություն,
- օտարի վարքուբարքը «մարսելու» կարողություն:

Պետականության ձեռքբերմամբ Հայաստանը վերադարձավ պատմություն՝ քաղաքակրթության մասին հին պատկերացումների համատեքստում: Պատմությունը որպես քաղաքակրթությունների մրցակցություն և երկխոսություն որակելու մեր մեկնությամբ մենք առայժմ գոյություն չունենք որպես քաղաքակրթություն: Մենք ներկայացուցիչն ենք ինչ-որ ժամանակ գոյություն ունեցած եզակի քաղաքակրթության, բայց այսօր ամենևին էլ քաղաքակիրթ ազգ չենք:

Միևնույն ժամանակ, քաղաքակրթությունը՝ որպես մշակութաբանականորեն ինքնորոշվող էություն, դիմամիկ փոփոխվող համակարգ է. դա նշանակում է, որ ամեն մի քաղաքակրթություն ապրում է առաջընթաց կամ հետընթաց: Հզոր ազգերն ընդունակ են «մարսել» դրսից ներհոսող ազդեցությունները և նորմերը կամ դրանք սեփական քաղաքակրթական էությանը (մի-

ջուկին) հարմարեցնելով և դրանով իսկ ամրապնդվելով, կամ վանելով օտարը և կործանարարը: Թույլ ազգերի մոտ, օտար նորմերի ներգործությամբ, տեղի է ունենում միջուկի փոփոխություն, ինչն էլ հանգեցնում է ինքնորոշման կորստյան և ուժացման այլ քաղաքակրթություններին:

Որպեսզի հասկանանք, թե ինչպես է մեկ քաղաքակրթությունն ազդեցություն թողնում մեկ ուրիշ քաղաքակրթության վրա, պետք է պարզաբանենք քաղաքակրթական միջոցները, հմտությունները և գիտելիքները հաղորդելու եղանակները:

Մեր կարծիքով՝ հիմնական հաղորդակներն են.

- պետությունը՝ որպես հասարակական ինստիտուտ, որը նորմատիվ-օրենսդրական մակարդակով ինստիտուտայնացնում է վարքի կանոնները,
- գիտությունը, գիտատեխնիկական առաջընթացը՝ որպես մարդու և հանրության կենսապայմանների նորարարական փոփոխությունների հզոր միջոց,
- արվեստը՝ որպես հանրության պատմական հիշողության պահպանման և փոխանցման ձև,
- ընտրանին՝ որպես կենսակերպ և վարվելակերպ սահմանող ու դրանց վերիմաստավորող,
- եկեղեցին՝ որպես կենսական ուղենիշների, աշխարհի հոգևոր անաղարտ նկարագրի և բարոյականության չափանիշների ժառանգականությունն ապահովող սոցիալական ինստիտուտ:

Այս հաղորդակային ուղիներով փոխանցվում է մտածողության և վարքի որոշակի կողմ, և եթե ազգը չունի կամ չափազանց թուլացել են նրա սեփական հաղորդակները, այլ, ավելի ուժեղ քաղաքակրթությունների ազդեցությունն անխուսափելի է:

Հայաստանում, չունենալով պետական համակարգի միջոցով սեփական չափորոշիչներ կերտելու կարողություն, մենք ընդունում ենք եվրոպականները: Հետևաբար, Եվրամիության անդամ դառնալու Հայաստանի ձգտումը հարկավոր է դիտարկել որպես մարտավարական խնդիր՝ գիտակցելով ռազմավարական հեռանկարում ինքնորոշման ունակությունը կորցնելու վտանգավորությունը: Նման վտանգավորությունը չգիտակցելը, հաջորդելով կոմունիստական ժխտողականությանը, կարող է ծնունդ տալ նոր ախտի՝ կյանքի հանդեպ սպառողական վերաբերմունքի, հոգևորի ժխտման: Եվ միակ իմաստն այդ շարժման մեջ, սեփական էսք կորցնելու պարագայում, «ոսկե միլիարդի» մեջ ընկնելու ձգտումն է:

Գիտության և գիտատեխնիկական առաջընթացի շնորհիվ մենք մասնակիցն ենք դառնում հզոր գոբալացման գործընթացի, որը ջնջում է քաղաքակրթական սահմանները կամ որևէ մեկ քաղաքակրթության ձեռքին դառնում մյուս քաղաքակրթություններին կառավարելու գործիք: Այսօր մենք ականատես ենք լինում ամերիկանացման գործընթացին հիմնականում հենց գիտության, գիտատեխնիկական առաջընթացի միջոցով:

Արվեստը պատմական որոշակի փուլում գտնվել է հիմնական համաշխարհային միտումների ազդեցության ներքո: Այսօր հայ արվեստը զարգանում է Արևելքի և Արևմուտքի ազդեցություններով: Սակայն արվեստը քաղաքակրթական հաղորդակի կարևորություն է ստանում այն ժամանակ, երբ քաղաքակրթական-մշակութաբանական էությունների ներգործությամբ ծնվում են համաշխարհային գլոբալգործոցներ:

Ընտրանին այսօր պառակտված է և ի վիճակի չէ մշակել արժեքային չափանիշներ ու բարոյականության նորմերի ամբողջական համակարգ: Սա հանգեցնում է նրան, որ պառակտված հասարակությունում տեղ են գտնում վարքի իրարամերժ դրսևորումներ:

Եկեղեցին միակ կառույցն է, որ հարյուրամյակների բովում անփոփոխ պահած հոգևոր նկարագրի շնորհիվ պահպանում և կարող է ապահովել հայության եզակի, ամբողջական, հիմնական դավանանքների հաղորդումը: Հայ հասարակությունում ընտրանու դերը պատմականորեն միշտ էլ կատարել են եկեղեցու ներկայացուցիչները: Եկեղեցին դարեր շարունակ ապահովել է այս ժառանգականությունը, սակայն վերջին 100 տարվա ընթացքում, պատմական հանգամանքներից ելնելով, կտրված է եղել լայն հասարակայնությունից: Հասարակության նոր ինստիտուտայնացումը, որ տեղի է ունեցել վերջին տասնհինգ տարում, հաշվի չի առել մեր ազգի այս առանձնահատկությունը և, որպես հետևանք, հոգևոր ընտրանու տեղն ազատ է:

Ըստ էության, հենց ընտրանին է համարվում նորմերի և արժեքների հիմնական հաղորդակը. արժեքներ, որոնք արտապատկերվում են քաղաքակրթության մեր տեսապատկերում, և ընտրանին պետք է ապահովի դրանց հարմարեցումը և հանդես գա որոշակիորեն սահմա-

նափակում կատարողի դերում: Ընտրանու մոտ այս գործառույթի բացակայությունը բերում է նրան, որ զանազան, հաճախ մեզ համար օտար նորմերն ուղղակիորեն արմատավորվում են մեր կյանքում՝ շրջանցելով արգելանքները, և Հայաստանը վերածում գավառի (հիմա կարելի է խոսել եվրոպական գավառի վերածվելու միտման մասին): (Մեր սահմանամամբ՝ գավառակա- նությունը բնորոշ է այն հասարակությանը, որն ի վիճակի չէ պահպանել, կերտել, արդիակա- նացնել և զարգացնել վարքի սեփական նորմերը, արժեքային չափանիշները, և հարկադրված է կողմնորոշվել դեպի օտարը):

Մյուս կողմից՝ միանշանակ է, որ արևմտյան արժեքները, որոնք բխում են քրիստոնեա- կան աշխարհընկալումից, որպիսիք են պատիվը, ազատությունը, արդարությունը և բարոյա- կանությունը, ընդունելի են մեր հասարակության համար: Եկեղեցու շնորհիվ էր, որ իրակա- նում հատկապես հայերին հաջողվեց պահպանել և հազարամյակների բովով անցկացնել ու հասցնել քրիստոնեական խոսքը՝ նախաստեղծ տեսքով, ինչը հետագայում կարող է մեզ ընձե- ռել Քրիստոսի հավերժական ժառանգությունը նոր դարաշրջանի միտումների հետ ներդաշ- նակեցնելու պատեհություն:

Մեր հանրության առանձնահատկություններից է այն, որ մենք գտնվում ենք ոչ միայն արևմտյան, այլև արևելյան արժեքների ազդեցության ներքո, որոնց մասին մենք հաճախ մոռանում ենք: Այդ իսկ պատճառով մեջբերենք Վ.Բրյուսովից. «Երկու ուժ, երկու հակադարձ սկիզբ հազարամյակներ շարունակ խաչվելով, միահյուսվելով և ձուլվելով ինչ-որ նորի, ամբողջականի, ուղղորդում էին Հայաստանի կյանքը և կերտում նրա ժողովրդի բնավորու- թյունը. Արևմուտքի սկիզբը և Արևելքի սկիզբը, Եվրոպայի ոգին և Ասիայի ոգին: Գտնվելով երկու աշխարհների սահմանագծին, մշտապես հանդիսանալով ժողովուրդների բախման ասպարեզ, իրադարձությունների զարգացման արդյունքում ներգրավվելով պատմության մե- ծագույն հորձանուտներում՝ Հայաստանին ճակատագրի կամոք վերապահված էր կատարել հաշտարարի դեր երկու տարբեր մշակույթների միջև. այն մշակույթի, որի հիման վրա աճեց ամբողջ քրիստոնեական Արևմուտքը, և այն մշակույթի, որը մեր օրերում ներկայանում է որպես մահմեդական Արևելք: Հայաստան՝ Եվրոպայի և Ասիայի ավանգարդ. վաղուց առա- ջարկված այս ձևակերպումը ճիշտ բնորոշում է հայ ժողովրդի դրությունն աշխարհում: Հայ ժողովրդի պատմական առաքելությունը՝ ներշնչված իր զարգացման ամբողջ ընթացքով, հետևյալն է՝ փնտրել և գտնել Արևելքի և Արևմուտքի համադրությունը»:

Այս առումով չափազանց կարևորվում է այն հարցը, թե արդյոք մենք կարող ենք չինտե- գրվել խոշոր քաղաքակրթություններին, այլ վարել քաղաքակրթությունների երկխոսություն: Մեր կարծիքով՝ ոչ թե կարող ենք, այլ ուրիշ ընտրություն չունենք, եթե ուզում ենք պահպանել մեր ինքնօրինակությունը:

Յուրաքանչյուր քաղաքակրթություն՝ որպես հասարակական-պատմական զարգացման առանձնահատուկ ձև, ունի իր՝ մյուսներից տարբերվող մշակութաբանական և արժեքային կողմնորոշիչները և ճշմարտության մասին պատկերացումները: Ինչը ճշմարիտ է մեկ քաղա- քակրթության համար, կարող է սխալ լինել մյուսի համար, այսինքն՝ ճշմարտության չափա- նիշ է համարվում հասարակական-պատմական պրակտիկան, որն էլ և տարբերակում է քաղաքակրթությունները: Տարբեր քաղաքակրթություններում արդարություն, ազատություն հասկացություններն ունեն տարբեր բովանդակություններ, իսկ բարոյականության և վարքի նորմերը բացարձակապես տարբեր են, ավելին՝ միմյանց բացառող: Բայց սրանից կարելի է հետևություն անել, թե մի քաղաքակրթությունը պետք է գերակայող լինի մյուսի նկատմամբ, հարկադրի փոխել ուղենիշները, ինչն այսօր բավական հաճախ տեղի է ունենում: Միանշա- նակ՝ ոչ, քաղաքակրթությունների երկխոսության հիմքում պետք է ընկած լինեն այդ տարբե- րությունները հասկանալը և գոյակցության փոխընդունելի ձևեր փնտրելը:

Հայության համար քաղաքակրթական ինքնորոշման խնդրի լուծում պետք է լինի ընտրա- նու կողմից անցյալի վերիմաստավորումը, ինչը մեզ հնարավորություն պետք է տա երևան հա- նել ինքնության եզակիությունը, որի շնորհիվ հայերն ապրել են ամենաբազմազան կրոնական դավանանքներ և տնտեսամշակութային կացութաձևեր ունեցող քաղաքակրթություններում, ընդ որում՝ պահպանելով իրենց ազգային ինքնությունը և դրանով իսկ կերտելով քաղաքա- կրթությունների երկխոսության ու խաղաղ գոյակցության բանաձևը: Առաջ է գալիս զարգաց- ման ինքնուրույն ճանապարհ փնտրելու, ցեղասպանության հանգեցրած հիմնապատճառները

վերիմաստավորելու, այլ քաղաքակրթությունների հետ գոյակցելու սեփական ուսմունք մշակելու անհրաժեշտությունը: Քաղաքակրթությունների հետ գոյակցելու սեփական ուսմունքն ի ցույց աշխարհի դնելը կդառնա հայ ժողովրդի հիմնական առաքելությունը 21-րդ դարում:

Գոյակցության այս ուսմունքի մշակման բանալին Օգոստոս Երանելու հայտնի ձևակերպման մեջ է. «Միասնություն՝ առաջնայինում, ազատություն՝ երկրորդականում և սեր՝ ամեն ինչում»: Ավելի հստակ դա երևում է Հայոց եկեղեցու պատմության ուսումնասիրությունից: Հայոց եկեղեցու պատմության էությունն այն է, որ եկեղեցին սկզբնական տեսքով է պահպանել հիմնական ավետարանչական դավանությունները՝ տոգորված քրիստոնեական մաքրամաքուր ազատականությամբ:

Հայոց Առաքելական եկեղեցում, ի տարբերություն քրիստոնեական մյուս ուղղությունների, ընդունված է դոգմատիկ հիմնադրությունների նվազագույն գործադրություն, փոխարենը՝ վարդապետություններ զարգացնելու առավելագույն հնարավորություններ: Հայոց եկեղեցին դրա շնորհիվ միշտ ներթափանցված է եղել համբերատարության ոգով ինչպես իր հոտի, այնպես էլ այլ հավատքի ներկայացուցիչների հանդեպ: Եվ թեև նման գրկաբացությունը եկեղեցուն վնաս է պատճառել և դյուրացրել ուրիշ եկեղեցիների քարոզչությունն իր որդիների շրջանում, այն «...ինքն իրեն հաշիվ տվել է իր հանդուրժողականության խորտակիչ հետևանքների համար, սակայն, ի հեճուկս նման դառը փորձի, հավատարիմ է մնացել աստվածաբանական և եկեղեցական ազատականության սուրբ կանոններին: Այն դրանք պահպանել է և հետայսու էլ կպահպանի անձեռնմխելիորեն: Եվ եթե Հայոց եկեղեցուն հաջողվի ի կատար ածել եկեղեցիների հաշտեցման գործը, ինքնին հնարավոր և հավանական մի բան, ապա այն իրավամբ կարող է դրանով հպարտանալ, ինչպես կհպարտանար վաստակած փառքով» (արքեպիսկոպոս Մաղաքիա Օրմանյան):

Մեր ինքնության եզակիությունն այն է, որ մենք անցել ենք փորձություններով և դրանց միջից դուրս ենք եկել առավել կենսունակ: Վերջին հաշվով, փորձությունները հայերին ներարկել են հաստատականություն՝ չիրաժարվել իրենց հիմնական դավանանքներից, կենսակերպից և առհասարակ՝ աշխարհընկալումից: Որքան էլ տարօրինակ է, հայության էությունն այն է, որ մենք ծայրեծայր տոգորված ենք ազատության և արդարության անջնջելի նուրբ զգացումով:

Բազմաթիվ են միջերը, որոնք հայությանը թույլ չեն տալիս պարզաբանել մեր պատմական առաքելության էությունը: Մենք փորձում ենք ինքներս մեզ ապացուցել, որ ունենք ականավոր գիտնականներ, ովքեր նոր ուղղություններ են առաջադրել, որ մեր արվեստը ձևավորել է նոր ճանապարհներ, որ մի շարք նորարարությունների ակունքում հայերն են կանգնած եղել: Նման առասպելաբանությունը հարկավոր է ազգին, երբ գտնվում է գոյատևման ռեժիմում, երբ սեփական ինքնությունը պահպանելու համար մղվող պայքարում անհրաժեշտ է գտնել ուժ, եռանդ և խթաններ: Բայց երբ խոսքը զարգացման մասին է, նման միջերը մեզ կարող են զգել մտածողական թակարդի մեջ և չտալ հայ ժողովրդի էությունը բացահայտելու հնարավորություն:

Քաղաքակրթություն կարող է համարվել այն ազգը, որը գիտակցում է իր պատմական առաքելությունը: Այս առումով հայ ժողովրդի պատմական էության վերհանումը մեր առջև բացում է նրա առաքելությունը և պատասխանում է «Ինչո՞ւ մենք մինչև այժմ գոյություն ունենք, և ո՞րն է մեր ասելիքը աշխարհին» հարցին: Մեր ազգի համար նախասահմանված ուղին լի է եղել փորձություններով: Հաղթահարելով փորձությունները՝ մենք ավելի ուժեղացել, կենսունակ ենք դարձել, և պատմական յուրաքանչյուր փորձություն մեր ենթագիտակցության և գենետիկ կոդի մեջ դրել է մեզ ապրել օգնող առնվազն երկու բանաձև.

- հավատ ազատության ու արդարության հաղթանակի նկատմամբ,
- այդ հավատն այլոց հաղորդելու ընտրյալություն և առաքելություն:

Այսօրվա Հայաստանի համար հիմնական խնդիրն է գիտակցել այս առաքելությունը և առաջարկել քաղաքակրթությունների գոյակցության բանաձև: Կարևոր է հասկանալ, որ մենք ինքներս ենք մեզ կերտում որպես ազգ, որպես քաղաքակրթություն: Ինչպիսին ուզում ենք ինքներս մեզ տեսնել, այնպիսին էլ կլինենք: Մեր ազգին հատկապես այսօր է հարկավոր հանդուգն ծրագիր, որը թույլ կտա կուտակել ներուժ բեկումնային զարգացման համար:

КАК ОСУЩЕСТВИТЬ РЕВОЛЮЦИЮ?!

Тигран Саркисян
Председатель ЦБ РА

Прежде всего, нам необходимо разобраться с понятием революция. Слово «революция» произошло от позднелатинского слова *revolution* – поворот, переворот, глубокое, качественное изменение в развитии каких-либо явлений природы, общества или познания. Революция предполагает скачкообразный быстрый переход от одного качественного состояния к другому как проявление одной из важнейших закономерностей развития природы, общества и мышления.

Каждый раз, когда мы используем понятие революция применительно к общественным процессам, мы должны понять, где происходит качественное изменение исследуемого общества или, в более широком смысле, объекта. Примеры украинской «оранжевой», грузинской революции «роз» и киргизской революции «тюльпанов» демонстрируют, что иногда под революцией понимается не качественное изменение состояния общества, а смена власти под силовым давлением общества, и в центре внимания широкой общественности находится не вопрос новой идеологии, политики, экономики или, более точно, онтологии¹ развития, а вопрос личности и команды, оказавшейся у власти.

Таким образом, зачастую, желая качественных изменений, массы выступают за революции в виде смены власти, не осознавая, что в реальности их нужды (потребности) находятся совсем в другой плоскости действия и не могут быть удовлетворены с помощью революционной смены власти. И в реальности, через некоторое время после уже свершившейся «революции», общество понимает, что направленных на преодоление разрыва между имеющимся и желаемым изменений не происходит, а ситуация усложняется еще и политическими баталиями между теми, кто пришел к власти, и теми, кто ее лишился. Таким образом, революционную смену власти без качественных изменений реального уровня удовлетворения нужд трудно назвать революцией, так как на самом деле прорыва не происходит: к власти приходят другие люди со старой онтологией, что трудно назвать прорывом.

Очевидно, что, говоря о необходимости революции, акцент необходимо делать на том, где нужен прорыв (на основе новой онтологии), какие качественные параметры самоорганизации, функционирования общества изменятся в результате революции, а не на том, каким образом какие-либо силы пришли или должны прийти к власти и какие качества им должны быть присущи.

Далее нам необходимо понять суть революционного процесса, более подробно остановившись на всех его фазах.

Первая фаза революционного процесса наиболее скрытая и подразумевает возникновение революционной идеи (новой онтологии). Подобная идея может возникнуть в голове у одного человека или у группы людей. Эта идея проходит определенную апробацию, накапливаются знания, приходит некое понимание истинности идеи.

¹ Онтология – учение о бытии: в классической философии – учение о бытии как таковом, выступающее базовым компонентом философской системы; в современной неклассической философии – интерпретации способов бытия с нефиксированным статусом. По своему существу О. выражает картину мира, которая соответствует определенному уровню познания реальности и фиксируется в системе философских категорий, характерных для данной эпохи, а также для той или иной философской традиции. В этом смысле каждая философская и вообще теоретическая система непременно опирается на определенные онтологические представления, составляющие ее устойчивое содержательное основание и подвергающиеся изменениям по мере развития познания. – **Прим. ред.**

Сделаем небольшое отступление и отметим, что вообще сутью человека является его вера – вера в Бога, в себя, в нацию, в идеи, в будущее. Человек без веры превращается в опасный элемент, разрушающий общество, убивающий синергизм и отрицающий каноны сосуществования в среде себе подобных. Без веры невозможно построить гармоничное общество, поскольку невозможно прийти к согласию с самим собой.

Затем эта идея распространяется (оестествляется) в более широких массах одной общности, начинается процесс зарождения новых институтов, в основном неформальных (вторая фаза). В этих институтах формируется институциональная память идей изменения, развития. Здесь необходимо понимать, что, говоря о появлении новых институтов, мы имеем в виду зарождение новых отношений, новых субъектов, новых компетенций и знаний, формирующихся в рамках новой онтологии.

Данные институты рано или поздно неизбежно вступают в противоречие с институтами, функционирующими в рамках старой онтологии, и возникает конфликт, который и приводит к реальному прорыву (третья фаза). И лишь этот прорыв связан с волевыми действиями определенной группы людей – либо имеющей, либо захватывающей рычаги власти, – нацеленными на изменения, на развитие. Именно этот прорыв мы, как правило, называем революцией.

Очевидно, что революцию можно осуществить лишь в том случае, когда общество готово к восприятию новой онтологии, и мы наблюдаем явное противоречие между формой организации общества и его содержанием.

Это противоречие может возникнуть при проявлении одного из двух сценариев:

- первый сценарий подразумевает такое содержательное изменение общества, которое требует изменения форм его организации;
- второй сценарий подразумевает изменение форм организации общества, которое приводит к изменению его содержания.

Для содержательного раскрытия первого сценария приведем выдержку из нашумевшей в свое время книги Э.Тоффлера «Метаморфозы власти»:

«300 лет назад индустриальная революция дала начало существованию новой системы создания материальных ценностей. Фабричные трубы вознеслись в небеса там, где когда-то возделывались поля ... В конце концов, куда бы ни приходили паровые двигатели и заводские трубы – всюду следовали политические изменения. Монархии рушились или сохранялись лишь церемониалы, привлекающие туристов... Если говорить короче, появление новой системы создания материальных ценностей подорвало все опоры старой системы власти, изменив, в конечном счете, семейную жизнь, бизнес, политику, государственное устройство и саму по себе структуру мировой власти... Те, кто боролся за контроль над будущим, использовали насилие, богатство и знание»¹.

Тоффлер демонстрирует процессы качественного перехода от доиндустриального типа организации общества к индустриальному в рамках постмодернистской теории. Очевидно, что процессом, который собственно и спровоцировал революцию (прорыв), выступает появление новой системы материальных ценностей.

Этот пример со всей очевидностью демонстрирует проявление первого сценария, когда содержательное изменение общества приводит к изменению форм его организации.

Для содержательного раскрытия второго сценария мы можем обратиться к новейшей истории Армении. Речь идет о революции в Армении в 1991г., когда армянский народ отказался от социалистической формы организации общества в рамках единой империи «Советский Союз» в пользу капиталистической формы организации в рамках независимого государства Армении. Но первые годы независимости нам явно продемонстрировали, и в определенной мере демонстрируют до сих пор, что содержательно общество не было готово к восприятию новой

¹ Элвин Тоффлер «Метаморфозы власти», Издательство АСТ, 2004 г., с. 32.

онтологии, построенной на принципе свободы, который, в том числе, подразумевает, что каждый из нас сам несет ответственность за принятые решения, за свое бытие, за свое будущее.

Сегодня нам с вами необходимо ответить на вопрос (особенно в виду активизации предвыборных процессов): почему не происходит революция в Армении, почему в предвыборной гонке общество остается совершенно индифферентным к происходящим политическим процессам, не осуществляя попыток что-либо изменить.

Продолжая цепь наших рассуждений, можно прийти к выводу, что в реальности отсутствует противоречие между системой управления, сформировавшейся за 15-летнее существование Республики Армения в новейшей истории, и потребностями, нуждами армянского общества. Необходимый для формирования новой онтологии развития Армении общественный слой отсутствует или еще не достиг критической массы. Приспособленческие настроения доминируют в обществе отчасти в виду объективных причин, связанных с высоким уровнем бедности населения и низким уровнем образования. В политике зачастую наблюдается полное отсутствие идеологий и программных подходов, в экономике – бурное развитие торговли как базового процесса, присущего даже не индустриальному, а доиндустриальному обществу. Т.е. независимое государство не является нашей сутью, содержанием нашего общества

Что нужно сделать, чтобы мы, как Мюнхгаузен, смогли вытащить себя из болота? Очевидно, что нужна революция в сознании.

Революция в сознании – это формирование нового видения армянского общества, которое еще не существует в представлениях, но которое реализуемо.

На наш взгляд, можно выделить три пространства:

Первое – пространство проявления высшего смысла (пространство трансцендентности).

Второе – пространство выявления закономерностей в исторических событиях, выделение базовых мировых процессов и, на основе этого, построение, в рамках *mainstream-a*, рационального общества. Третье пространство – мифологическое, в котором доминируют определенные догмы, превращающиеся в каноны поведения и принципы построения общества

У нас всегда есть выбор, в каком пространстве работать.

В первом пространстве необходима типологизация мышления и выработка собственной парадигмы (онтологии развития). Должен появиться лидер или группа людей – одухотворенных и имеющих неимоверное желание реализовать свои проекты. Этот лидер убеждает в своей правоте и реализуемости идей и, ведомый высшим смыслом, приближает общество к революционным изменениям. Его основным ресурсом является личная убежденность, которой он заражает окружающих, которые сначала слепо верят, потом становятся носителями этих идей и заражают ими все большие и большие массы людей, в результате чего в обществе происходят качественные изменения. Этим путем шел Сингапур.

Во втором пространстве требуется приобретение знаний и разработка стратегии реализации этих знаний на собственном примере. В этом пространстве реализуется парадигма догоняющего развития. То есть, на основе изученного опыта развитых стран и того, как им это удалось, мы пополняем наши знания, осуществляем массовый тренинг на всех уровнях и пытаемся внедрить *best practice*, но не просто копируя формы, а осуществляя содержательные изменения. Этим путем идет сегодняшняя Армения.

В третьем пространстве мы должны актуализировать собственную мифологию. В этом пространстве мы черпаем знания из собственного исторического прошлого, исторической памяти народа, выявляем собственные ценности, нормы, догмы и образ жизни и живем этими канонами, они ставят нас во главу угла. А под развитием понимается наиболее полное внедрение принципов и канонов построения общества, которые черпаются из собственной мифологии. Этим путем идет Иран.

Какой путь выбирает читатель из этих трех? В качестве помощи для думающих людей я предлагаю следующую гипотезу.

Гипотеза: «История начинается в будущем»

Тезис 1: Всемирная история есть борьба за видение будущего наций, народов. Побеждают только те нации, которые в состоянии сотворить это видение, в состоянии его познать. И божественное в том, что оно приходит и овладевает этим народом.

Тезис 2: Это видение должно быть реализуемо. Если оно не реализуемо, то это не видение. Реализуемость предполагает овладение умами избранных, которые должны повести за собой всю нацию, народ, племя.

Тезис 3: История победителей всегда пишется, переосмысливается и переписывается исходя из видения будущего, а не наоборот. Из истории берется то, что помогает двигаться вперед, что вписывается в видение будущего. Умение работать с прошлым дает возможность творить будущее.

Тезис 4: Основная проблема армянского общества сегодня – это отсутствие единства в видении будущего. Разобщенность общества, объективная по своей природе, может быть преодолена только лишь путем устремления в будущее, а не в прошлое.

Тезис 5: Избранными и ведущими будут те, к кому придет это видение, те, которые будут в нем убеждены, поверят в него и отдадут за него самое дорогое, что у них есть. Тогда они смогут заразить других этим видением. Избранные должны видеть и жить этим будущим сегодня. И тогда им поверят и за ними пойдут. Не сразу, но пойдут. Это путь революции. Это суть революции.

Тезис 6: Очевидно, что отсутствие альтернативы сегодняшней власти связано с тем, что нет альтернативного видения будущего. Призывы к смене власти направлены в прошлое, а не в будущее, и ни к чему хорошему, по определению, не могут привести. Альтернативой сегодняшней власти могут быть только те, кто пойдет по схеме: вера – убежденное представление о будущем – четкая формулировка ключевых тезисов этого будущего.

Тезис 7: Работать в пространстве прошлого – означает строить концепцию догоняющего развития. В переходных обществах власть становится безальтернативной именно из-за того, что общество не в состоянии объединиться вокруг видения будущего. Отсутствуют серьезные институты, способные спроектировать будущее. Работать же в плоскости прошлого и соревноваться с государственными структурами – невозможно, поскольку очевидна разница в ресурсном потенциале.

Тезис 8: Сегодня ни одна партия или общественная организация не в состоянии предложить более грамотной и целостной программы социально-экономического развития страны, чем правительство. И независимо от того, кто придет к власти, эта программа безальтернативна, т.к. она в русле *mainstream*-а.

Тезис 9: Альтернатива – это вызов миру, это революция в мышлении, а таких героев в Армении нет. Есть люди, рвущиеся к власти для реализации одного-единственного проекта будущего, который уже реализуется. Поэтому суть борьбы – не за будущее, а за уже реализуемый проект, за его лучшую реализацию. Кто бы ни пришел к власти, он все равно будет делать то, что делается сегодня, немного лучше, немного хуже – но тот же самый проект.

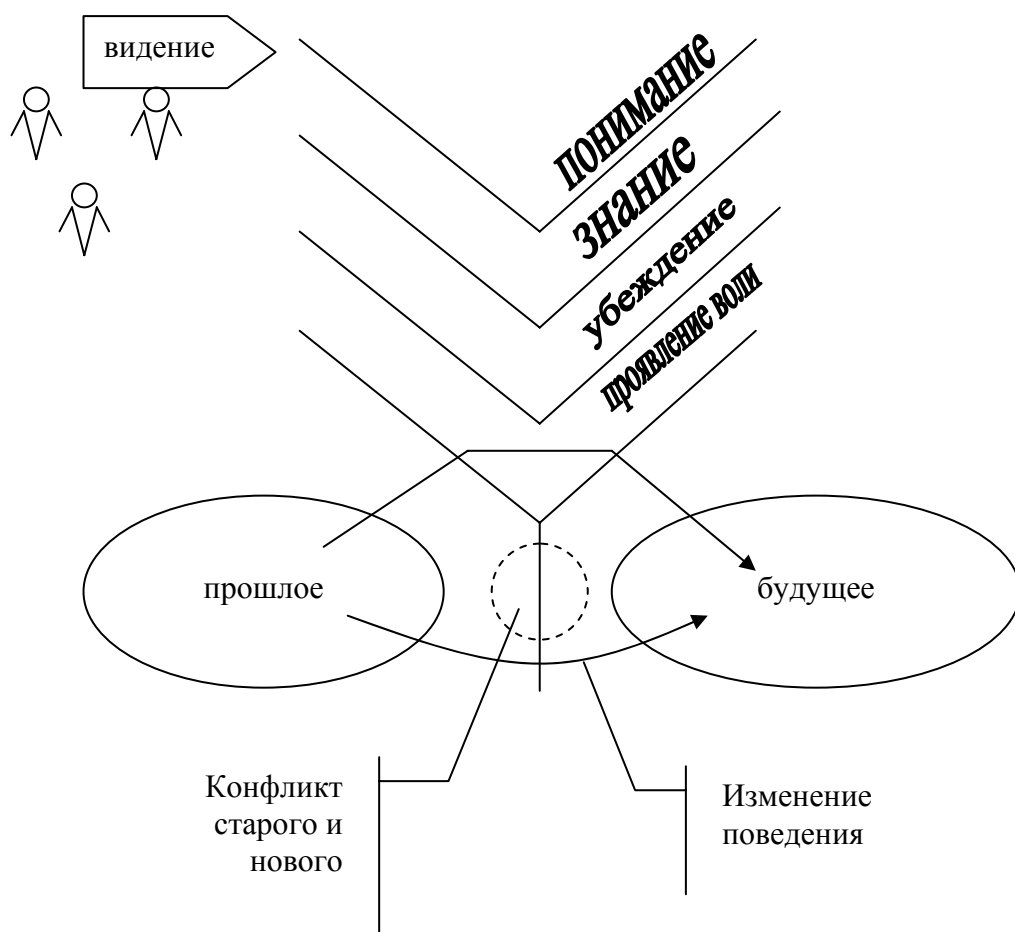
Итак, мы должны вернуться в историю, переосмыслить ее и, решив вопрос о самоидентификации, построить новое армянское общество. Мы должны измениться по сути, а не по форме; задаваемые каноны поведения и жизни должны быть приемлемы, желаемы и применяемы для большинства; мы должны чувствовать себя комфортно и защищенно именно благодаря

тому, что в состоянии самостоятельно выработать нормы бытия. Только тогда мы сможем сказать, что это есть наше общество и наша суть.

P.S. Думающий человек только тот, кто стремится к целостному восприятию мира. Умный человек тот, кто на этой базе может предвидеть будущее. Мудрый человек тот, кто живет в гармонии со своим восприятием мира.

Приложение 1

Схема прорыва



ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РЕФОРМ ВТОРОГО ПОКОЛЕНИЯ

(Размышления по поводу статьи Тиграна Саркисяна
«Как осуществить революцию?!»¹)

Армен Мартиросян
представитель Республики Армения в ООН

Руководитель Центрального Банка Армении, несмотря на успехи социально-экономического развития страны, в которое он внес свою персональную лепту, выражает озабоченность относительно стратегии дальнейшего развития РА. Статья, несомненно, вызвала интерес у многих читателей и спровоцировала меня поделиться некоторыми соображениями. Дискуссия вокруг этого вопроса интересна с академической точки зрения и, вместе с этим, может иметь прикладной интерес.

Воздержусь от комментариев относительно теоретических суждений, касающихся революции как политического процесса, но полностью соглашусь с автором в том, что в Армении нет необходимости для реализации такого сценария. Итоги прошедших парламентских выборов продемонстрировали, что электорат предпочитает стабильность и предсказуемость нестабильности и неопределенности, пусть даже в условиях «большой» демократии. Но невозможность осуществления революции в нашей стране из-за отсутствия каких-либо предпосылок для этого не облегчает нашу жизнь.

С 1991г. Армения встала на путь беспрецедентных радикальных реформ, затронувших без исключения все аспекты жизнедеятельности ее общества. Многие политологи считают, что по ряду причин модернизация современного общества посредством реформ – более сложный процесс, чем свершение революций. Во-первых, реформатору и его соратникам приходится преодолевать сопротивление с двух сторон: как консерваторов, так и революционеров. Поэтому успешная реформация предполагает намного более высокий уровень политического мастерства, чем осуществление революции. Реформатор должен быть не только более искусным в манипуляции социальными и политическими силами, нежели революционер, но также и более изощренным в управлении социальными изменениями. Реформатор обязан уделять больше внимания методам, технике и временному аспекту реализации глубинных изменений, чем революционер. Наконец, проблема выбора приоритетов, сценариев и очередности реализации различных этапов реформ более важна для успешной реализации целей реформ, нежели осуществление революций. Так что нашему обществу предстоит долгая и тяжелая работа.

В последнее время все чаще говорится о втором поколении реформ, и чтобы лучше понять их специфичность, стоило бы проанализировать итоги первого этапа реформ. Не претендуя на академическую завершенность, позволю себе кратко остановиться на некоторых аспектах социально-экономических преобразований 90-х, тем более что волею судьбы я удостоился чести принимать скромное участие в их разработке и реализации.

В мае 1990г. я был впервые избран депутатом Верховного Совета Армянской ССР, где, кстати, и познакомился с г-ном Тиграном Саркисяном, руководившим в те годы финансово-экономической комиссией первого парламента независимой Армении. В конце 1991г. я был одновременно назначен советником премьер-министра Армении и принимал непосредственное участие в обсуждениях концептуальных основ реформирования экономики в правительстве Армении. У меня остались самые теплые воспоминания о тех днях, когда довольно большая группа честных,

¹ <http://www.noravank.am/ru/?page=analitics&nid=790>

увлеченных и вместе с тем несколько наивных молодых людей страстно отдалась делу разработки и реализации беспрецедентных экономических преобразований. Не удивительно, что наши взгляды часто не только расходились, но по ряду фундаментальных аспектов были взаимоисключающими. Именно поэтому после назначения весной 1993г. премьер-министром г-на Гранта Багратяна, оставив должность советника премьера, я сосредоточился на законотворческой деятельности. Политикам и людям, когда-то занимавшимся ею, свойственно недооценивать собственные упущения и вместе с тем преувеличивать ошибки других. Я постараюсь приложить максимум усилий, чтобы сохранить объективность оценок, тем более что ретроспективная критика – дело неблагодарное и не имеет особой научной ценности.

В самом начале 90-х годов многим из нас казалось, что через принятие правовых актов, подкрепленных международной официальной помощью развития (ОПР), мы преуспеем в строительстве независимой армянской государственности. Однако вскоре, когда выявились масштабы и уникальность воистину революционных преобразований, в условиях, усугубленных Карабахской войной и ее последствиями, воодушевление у меня сменилось тревогой за судьбоносность принимаемых решений.

Без четкого представления основ и механизмов, а также реальных последствий переходного процесса, мы взялись за разработку и реализацию реформ, результаты которых оказались крайне болезненными для нашего народа. Выяснилось, что с дефицитом знаний по переходной экономике столкнулись не только мы, но и наши щедрые доноры из международных финансовых институтов (МФИ) и развитых стран. Как я однажды заметил моему профессору экономики в Колумбийском университете Нью-Йорка лауреату Нобелевской премии в области экономики Джозефу Стиглицу, «в результате реформ мы испытали на себе вдоволь шока и недостаточности терапии, в то время как вы приобрели сполна знаний, чтобы получить мировое признание и «кресла» в лучших университетах и корпорациях мира».

Концептуальные основы реформ были заложены в конце 1970-х годов и характеризовались возрождением во всех странах развитого капитала господства либеральных идей. Идеологическая платформа реформ, возникшая в рамках обсуждений «Общества Монт Пеллерин» (*Mont Pellerin Society*) и разработанная лауреатами Нобелевской премии в области экономики Фридрихом фон Хайеком и Милтоном Фридманом, была взята на вооружение и реализована на практике президентом США Рональдом Рейганом и премьер-министром Великобритании Маргарет Тетчер. Сокращение государственного сектора и вмешательства в экономику стало лозунгом эпохи «рейганомии»/ «тетчеризма». В ответ на новые веяния МФИ разработали политику, впоследствии получившую название «Вашингтонского консенсуса» (ВК), направленную на резкое сокращение государственного вмешательства в экономику не только развитых, но и развивающихся стран – клиентов Международного Валютного Фонда (МВФ) и Всемирного Банка (ВБ).

Реформы 90-х, получившие название «реформ первого поколения», включали в себя пакет мероприятий по обеспечению макроэкономической стабилизации, либерализации торговли и внешнего платежного баланса, консолидации бюджета и приватизации государственной собственности. В результате реформ за довольно короткий промежуток времени большой дефицит бюджета и высокий уровень инфляции остались в прошлом. Благоразумный контроль за банковской системой, осуществляемый посредством внедрения со стороны реформированного Центрального Банка РА обязательного соблюдения коммерческими банками коэффициентов адекватности капитала, внес стабильность в банковскую сферу. В 1991г. Армения первой из стран бывшего СССР осуществила земельную реформу на основе приватизации земельных ресурсов. Несмотря на все недостатки приватизации земли, именно ее эгалитарный характер обеспечил практически все сельское население страны таким ценным производственным активом как земля. Все эти мероприятия способствовали сокращению спада экономики Армении, и с конца 1995 наметился рост ее ВВП.

Одновременно с наметившимися позитивными тенденциями резко увеличились неравенство и крайняя бедность, сделав «индекс Джини» Армении самым высоким среди бывших стран СССР. Удивительного в этом ничего не было: рыночные преобразования 90-х не создавали воз-

возможностей для улучшения экономического положения широких слоев населения и, тем самым, сокращения бедности. Причиной этому был ограниченный доступ экономически активного населения к активам в условиях почти полного отсутствия какой-либо системы социальной защиты. Реформы 90-х не преследовали своей целью осуществление структурных преобразований, которые бы способствовали повышению производительности и доходов нуждающихся слоев населения. Реформы были призваны решить ограниченный круг задач, направленных, в первую очередь, на финансовую стабилизацию экономики, практически безотносительно к таким проблемам как безработица и бедность. Объективности ради должен отметить, что это не было упущением «отцов» армянских реформ, а явилось следствием реализации всей концепции преобразований, рекомендованных нам и поддержанных впоследствии МФИ. Как я уже сказал, в наших условиях негативные последствия усугубились в результате войны, навязанной нам Азербайджаном.

Позже определенные коррективы были внесены посредством разработки и внедрения программы сокращения бедности (*PRSP*), реализацию которой Армения начала в 2003г. Двухзначный рост ВВП, установившийся с 2001г., позволил внести позитивные сдвиги в динамику сокращения крайней бедности. Кредитные ставки заметно снизились, бюджет перевалил за \$1 млрд, экспорт начал расти. В результате средний доход на душу населения начал повышаться.

Вместе с тем уже в ходе реализации *PRSP* эксперты из МФИ обратили наше внимание на трудности поддержания темпа роста в долгосрочной перспективе из-за ограниченных возможностей экстенсивного развития. Поступаемая по двусторонним и многосторонним каналам ОПР и частные трансферты наших соотечественников из-за рубежа также таят в себе риски. Доклад Всемирного Банка, опубликованный в феврале 2007г., подробно описывает как достигнутые успехи, так и ближайшие задачи для реализации реформ второго поколения¹.

Согласно ВБ, эти задачи включают в себя создание новых эффективных и совершенствование функционирующих институтов, дальнейшее улучшение предпринимательской среды и обеспечение свободной конкуренции, закрепление и гарантирование прав собственности, укрепление независимости судебной системы и борьбы против коррупции. В отличие от реформ первого поколения, реализация которых порою сводилась к декларированию цели при наличии соответствующего инструментария (например: сдерживать инфляцию посредством сокращения денежной массы), рецепты и средства реализации многих задач реформ второго поколения не столь доступны.

Политический процесс для успешной реализации нового поколения реформ также отличен от процесса первого поколения. Такие меры, как монетарный контроль и стабилизация валютных курсов, не требовали парламентского одобрения. В тех случаях, когда это было необходимо, правительство добивалось чрезвычайного, хотя и временного права на регулирование многих вопросов экономической повестки дня посредством своих декретов в обход законодательного органа.

Сегодня же глубокие преобразования в приоритетных областях совершенствования регуляторных механизмов предпринимательской среды, судебной системы и укрепления правопорядка из-за расхождения взглядов различных групп интересов (*interest group*) вряд ли возможно реализовать без порою долгих парламентских обсуждений. Демократические каноны «мирного сосуществования» групп по интересам, присущие парламентаризму, и консенсуальное принятие решений все более становятся нормой политического бытия. Поэтому, как говорится, легче поставить задачи, чем их решить.

В этом контексте не случайно, что концепция «Вашингтонского консенсуса» в последние годы была атакована не только правительствами стран, переживших финансовые потрясения конца 90-х, и антагонистами глобализации, но и многими ведущими экономистами и политиками мира. По моему мнению, концепция «Вашингтонского консенсуса» сама по себе не была порочной. Скорее всего, проблема заключалась в том, что государство, будучи призванным сократить масштабы своего вмешательства в экономику, должно было одновременно

¹ The Caucasian Tiger: Policies to sustain Growth in Armenia, vol. 1, vol. 2.

усилить свои функции и расширить компетенцию в некоторых других областях государственного управления. Наиболее важной, как мне кажется, является способность государства разрабатывать и реализовывать соответствующие эффективные мероприятия с одновременным обеспечением беспрекословного исполнения принятых законов и соблюдения справедливых правил игры всеми ее участниками.

Концептуальные просчеты реформ, основанных на ВК, в 2002г. в своем интервью признал сам Милтон Фридман: «Для стран, осуществляющих переход от социалистической системы к рыночной, три слова я считал самыми важными: приватизация, приватизация и приватизация. Но я был не прав. Оказывается, что обеспечение верховенства закона является более важным, чем приватизация»¹.

Негативные последствия поспешности и выбора очередности этапов реализации реформ можно выявить на процессе приватизации, которая с одобрения ведущих МФИ являлась основной экономической политики правительства Армении в 90-ые гг. Позволю себе еще раз повториться: ретроспективная критика не является предметом моего анализа, тем более что мои последующие выводы касаются практически всех постсоветских стран.

Без сомнения, приватизация являлась одной из основных задач экономических реформ. Однако ее эффективная реализация требовала значительной институциональной способности и зрелости государства. Для стран с переходной экономикой ВК предполагал, что быстрый процесс приватизации не только обеспечит экономическую эффективность, но и создаст спрос на защиту права собственности. Безусловно, хотя и такой подход имел под собой определенные основания, но он не учитывал целый ряд обстоятельств, вследствие которых приватизация на основе «большого взрыва» не обеспечила ожидаемого результата. Профессор Джозеф Стиглиц математически доказал, что хотя постсоветская приватизация и создала собственников, заинтересованных в обеспечении верховенства закона, но она также создала таких собственников, усилия которых были направлены скорее на «выкачивание» имеющихся активов (*stripping of assets*), нежели их целевое использование и преумножение. Такой исход быстрой приватизации привел к созданию экономических агентов, не способствующих установлению верховенства закона.

Оставив в стороне правовые и политические последствия первого этапа реформ, можно констатировать, что с экономической точки зрения возникшая форма собственности не способствовала и развитию крупного акционерного капитала в армянской экономике. Существующие сегодня акционерные общества в своей основной массе основаны на семейно-родственных отношениях и не способствуют привлечению крупного капитала, столь необходимого для повышения производительности труда и обеспечения устойчивости экономического развития страны в долгосрочной перспективе.

Помимо упущений на начальном этапе государственного строительства, наши убеждения, традиции, обычаи и другие компоненты многовекового и многослойного культурного наследия также не всегда играли плодотворную роль в сложном процессе установления нового правопорядка. К сожалению, степень изменчивости и адаптивности нашего наследия к принимаемым с 1991г. мерам по модернизации общества не полностью исследована современной социологической мыслью. Однако ясно одно: некоторые компоненты этого наследия вкупе с допущенными просчетами и неблагоприятными условиями реализации глубинных реформ не способствуют закреплению основ молодой армянской государственности. В этом отношении трудно не согласиться с некоторыми выводами статьи Т.Саркисяна.

В своей статье уважаемый автор апеллирует к некоторым так называемым трансцендентным и психологическо-ментальным критериям и характеристикам нашей нации, содержание которых мне не совсем понятно, и поэтому воздержусь от комментариев. Но позволю себе не согласиться с его выводом, что «независимое государство не является нашей сутью, содержанием нашего общества». Как мне кажется, независимость государства не является сутью какого-либо общества. Она, независимость, может являться целью, провозглашенной элитой данного общества и широко

¹ *Francis Fukuyama, State Building and Governace in the 21st century – перевод А.М.*

поддержанной его большинством, как это было в процессе деколонизации стран Африки и Азии. Она может явиться результатом исторического развития, воплотившимся в вызов данному поколению, что стало «судьбой Армении» после 1991г. В конечном счете, независимость является заданным условием функционирования современного общества и вряд ли может пересматриваться или аннулировать. Поэтому в качестве одного из главных вопросов повестки дня целесообразнее обсудить поиск наиболее эффективных путей государственного строительства. И, как мне кажется, именно это, хотя и косвенно, подразумевает автор, рассуждая о «выработке собственной парадигмы (онтологии развития)» и говоря о «революции в сознании», о «выборе пространства» и «внедрении *best practice*... для осуществления содержательных изменений».

В целях избежания терминологического конфуза, позволю себе более подробно остановиться на понятии «государственного строительства» (*state building*). Существует много дефиниций этого понятия, но наиболее удачным мне кажется определение, представленное известным американским исследователем-социологом, бывшим руководителем управления планирования Государственного департамента США Фрэнсисом Фукуямой, более известным как автор книги «Конец истории и последний человек». Под понятием «государственного строительства» он подразумевает процесс создания новых институтов наряду с укреплением и совершенствованием действующих. Как видим, в качестве основополагающего элемента государственного строительства он выделяет строительство институтов (*institution building*). Для полной ясности вынужден раскрыть также понятие «институт». Согласно Дугласу Норту, лауреату Нобелевской премии в области экономики и одному из основателей Новой Институциональной Экономике (*New Institutional Economics*), понятие «институт» означает комплекс формальных законов и неформальных норм в совокупности с тем, как и насколько последовательно эти формальные и неформальные нормы сосуществуют и реализуются в повседневной жизни. Формальными считаются конституционные нормы, все законодательные акты и другие «писанные правила». Под неформальными нормами подразумеваются убеждения, привычки, традиции, культура – все то, что формируется и передается из поколения в поколение. Таким образом, именно эта целостная система правил, убеждений, норм и организационных структур позволяет обеспечивать регулярность социального поведения. Различные траектории институционального строительства ведут к различным моделям государственного строительства и, следовательно, к различным экономическим результатам. Если вышеназванная система создана и настроена правильно, то она по своей сути призвана уменьшить неопределенность среды обитания и деятельности общества и тем самым снизить издержки ее функционирования (*transaction cost*). Если эта система отсутствует или существует, но неэффективна, то она резко увеличивает издержки всего экономического процесса, в конечном счете негативно отражаясь на конкурентоспособности его продукта.

«Гипотеза», предложенная «в качестве помощи для думающих людей», также вызвала у меня некоторые раздумья. Так, в Тезисе No.7 утверждается о «безальтернативности власти в переходных обществах именно из-за того, что общество не в состоянии объединиться вокруг видения будущего». Во-первых, как мне кажется, власть безальтернативна в любом современном обществе, ибо в противном случае ему грозит анархия. Во-вторых, вряд ли можно найти какое-либо современное общество, кроме как тоталитарное, которое бы добровольно, без «отца нации» смогло или, вернее, «захотело» бы добровольно объединиться вокруг «единого будущего». Провозглашение подобного рода задач является эвфемизмом полной концентрации политической власти для реализации таких, например, «общих национальных» задач, как создание «третьего рейха», обеспечение «мировой победы коммунизма» и т.д. «Старый мир» был богат нациями, преследующие такие цели, и мы знаем, чем это закончилось. В наше время, когда национальные границы не в состоянии контролировать информационные потоки и, следовательно, умы и сознания людей, вряд ли стоит ставить такие задачи. Общественный плюрализм, как одно из главных достижений последних 15 лет, также не будет способствовать постановке подобных целей. (По правде говоря, *mainstream* также вряд ли поддержит нас в подобных порывах!)

Согласен, что задачи, стоящие перед властью в странах с переходной экономикой, весьма специфичны. Ее ответственность, как автора, реформатора и защитника эффективных формаль-

ных и неформальных институтов, колоссальна. В этом отношении, безусловно, власти нет никакой альтернативы.

Мне бы хотелось остановиться на трех функциях самой власти, которые, как мне кажется, особенно важны на данном этапе структурных реформ. Первое: позиция власти, как главного игрока, обязывает ее обеспечить общество более или менее ясным видением будущего в переходный период. Видение, которое предлагает реальные выборы и временные рамки, устанавливает очередность и темп реформ, призванных быть довольно амбициозными по содержанию, но далекими от донкихотства. Во-вторых, роль государства как главного, если не единственного, архитектора новых институтов, обязывает его обеспечить институциональную реальность этого самого видения. В-третьих, роль власти как гаранта прав собственности, а также как автора и исполнителя общественной повестки дня возлагает на нее полномочия и обязанности основного и беспристрастного менеджера по разрешению конфликтов, возможных в демократическом обществе между различными группами интереса. Установление эффективно функционирующего режима по разрешению указанных конфликтов имеет далеко идущие последствия для динамического развития экономики, так как это поощряет или препятствует инвестированию в долгосрочные активы. Хотя ни одно правительство в мире не функционирует с «чистого листа», тем не менее, именно его автономность от воздействия различных групп влияния определяет, насколько эффективно государство сможет сыграть роль беспристрастного «менеджера по конфликтам».

Как мы видим, эффективность соответствующих институтов является предпосылкой для долгосрочного развития. История развития стран позднего развития (*Late Development States*) показывает, что эффективная политическая система может быть построена двумя путями.

Один путь – через харизматического авторитарного лидера (говоря о харизматическом лидере, имеется в виду определение М.Вебера, а не его различные «народные» интерпретации), обладающего видением, пониманием и желанием представить и реализовать соответствующий сценарий развития и гарантирующий всем соблюдение правил игры. К сожалению, не много таких стран, которые этим путем успешно прошли тернистый путь строительства эффективно функционирующего государства. Те же, которые прошли этот путь, делали это порою в обход политики *mainstream*. К таковым относятся немногочисленная группа стран позднего развития юго-восточной Азии: Япония, Южная Корея, Сингапур, Тайвань (КНР), и догоняющий гигант в лице Китая. Многие из них достигли впечатляющих экономических успехов, отгородившись, когда это диктовали национальные интересы, от политики *mainstream*, рекомендованной им со стороны ведущих МФИ. Правительства этих стран своей интервенцией сумели защитить и поддержать новые индустрии (*infant industry*) через различные меры протекционизма, субсидирования, ограничения иностранных инвестиций в этих областях индустрии, стимулирование и финансирование расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы. Тонко регулировалось также вовлечение широких масс в политические процессы. Эффективность управления этих стран, компетентность и честность национальной бюрократии, основанной на меритократии, общепризнанна. Своим настоящим выводом я не призываю нас отгородиться от МФИ и выйти из *mainstream*-а. Наоборот, опыт позднего развития этих стран на самом деле уникален и достоин серьезного ознакомления!

Второй сценарий предполагает более длительный путь эволюционного развития посредством консолидации демократии, созревания гражданского общества, творческого использования потенциала технической помощи и ОПР, которая должна быть правильно разработана, корректно обусловлена политически и эффективно реализована. При этом следует помнить, что эволюционный сценарий развития не исключает отклонений, а то и откатов от демократического развития, как это имело место практически во всех странах Латинской Америки.

Независимо от нашего выбора, заложение основ армянской государственности есть самый достойный и благородный дар судьбы, выпавший на долю нашего поколения. На наших глазах, при нашем участии рождается государство, ответственное за наследие вчерашнего дня, интересы сегодняшнего и надежды завтрашнего дня.